

DOI: 10.31857/S0321039124020103

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИСТОРИК И ТЕКСТ: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АКАДЕМИКА ГРИГОРИЯ МАКСИМОВИЧА
БОНГАРД-ЛЕВИНА»

(Москва, 20–22 декабря 2023 г.)

20–22 декабря 2023 г. состоялась четвертая конференции Российской ассоциации антиковедов «Историк и текст», организованная Отделом сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН и посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося исследователя-востоковеда академика Г.М. Бонгард-Левина (1933–2008). Возглавив в 1988 г. журнал «Вестник древней истории», Григорий Максимович в 1989 г. основал в ИВИ РАН Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, научным руководителем которого оставался до конца своих дней. В работе конференции приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Красноярска, Магнитогорска, Нижнего Новгорода, Самары, Ставрополя, Сургута; в общей сложности было представлено более 80 докладов.

Пленарное заседание (председатель – А.И. Иванчик) открылось докладом *Н.Н. Казанского* (Санкт-Петербург) «Текст “Илиады” как исторический источник». В основу доклада легло предположение о том, что наряду с традиционными фольклорными особенностями, текст поэмы проявляет черты, свойственные авторскому произведению. Докладчик упомянул свое наблюдение над текстом «Илиады» (II. III. 369), где сюжет учитывает детали вооружения, после 1450 г. до н.э. не использовавшиеся. В II. III. 369 героический эпизод содержит явные черты ионийского вольнодумства. Точно так же в тексте клятвы Агамемнона, навлекающего на себя Эриний в случае ложной клятвы (II. IX. 121–132), обнаруживаются, помимо реалий, находящихся параллели в пилосских табличках микенского времени, намеки на события после Троянской войны в Микенах, где Эринии проявляют небывалую активность. Последнее позволило автору доклада осторожно поставить вопрос об историософии Гомера и отметить, что в ее основе могли лежать этические оценки.

Н.П. Гринцер (Москва) в докладе «Литературный и исторический контекст “Филоклета” Софокла» сопоставил сюжет трагедии с его непосредственным литературным прототипом – с IX песнью «Илиады». Параллели определяются не только сходством ситуации (посланники ахейского войска уговаривают героя вернуться на войну), но и общностью некоторых ключевых мотивов. В частности, именно в контексте «Илиады» становится понятна особая роль темы Ахилла у Софокла

и фигура Неоптолема, которого можно сравнить с гомеровским Патроклом. Показательно, что Филоктет с Неоптолемом перед самым финалом трагедии намеваются отказаться от войны и уплыть на родину; точно так же Ахилл в конце IX песни собирается покинуть Троию. На фоне этого параллелизма еще более резким и неоправданным выглядит отказ Филоктета от своего решения. Докладчик объясняет эту непоследовательность политическим подтекстом драмы Софокла: «Филоктет» отсылает к посольству спартанцев в Афины в 410 г. с предложением заключить мир. Согласно сохранившимся историческим свидетельствам, афиняне сначала склонялись к завершению войны, и лишь после вмешательства Клеофона отказались от этого.

Выступление *А.И. Иванчика* (Москва) «О творческом методе Геродота: источники и их использование» было посвящено вопросу об источниках исторических и этнографических сведений Геродота и о методах его обращения с ними. Анализ фрагмента, в котором Геродот излагает четыре версии происхождения скифов, заимствованные из разных источников (IV. 5–7), и его сопоставление с другими пассажами позволяют сделать ряд выводов, относящихся ко всему его сочинению. Для Геродота несущественно различие между устным и письменным прозаическим источником. При этом он крайне редко называет по имени автора своего источника, по большей части ограничиваясь указанием на его происхождение («эллины», «скифы», «афиняне» и т.д.), считая эти рассказы общим мнением этих групп. Поэтические тексты Геродот считает более персональными; при этом к Гомеру и другим авторам раннего эпоса он относится с недоверием, а сообщения более поздних поэтов ценит выше. Если разные версии одного события несовместимы, Геродот излагает их одну за другой, часто указывая на ту, которую предпочитает. Можно заключить, что Геродот достаточно точно передает сообщения своих источников, и устных, и письменных, однако то, насколько они отражают историческую реальность, зависит в большой мере от характера самих источников.

В докладе «К интерпретации “Махабхашьи”» *А.А. Вигасин* (Москва) обратился к основным памятникам древнеиндийской лингвистики, которые служат важными историческими источниками: «Аштадхьяи» Панини, варттики Катьяяны и, главное, «Махабхашья» Патанджали. Для датировки санскритских текстов первостепенное значение имеют упоминания греков (явана). «Аштадхьяи», где говорится о «греке» и «гречанке» (или «жене грека», яванани), не может быть датирована ранее рубежа IV–III вв. до н.э. Слова Катьяяны о «греческом письме», возможно, указывают на монетные легенды индо-греческих царей II в. до н.э. Патанджали рассматривает греков и шаков как народы Индии, живущие за пределами Арьяварты (очевидно, в Пенджабе). Характеристика греков и среднеазиатских скифов в качестве ритуально чистых шудр не позволяет датировать «Махабхашью» ранее рубежа нашей эры. Цитируемое указание на завоевательные походы греческого царя не является доказательством того, что Патанджали был современником Менандра. Фрагмент с упоминанием «алчных Маурьев» нельзя рассматривать в качестве воспоминания о недавнем прошлом, скорее, речь должна идти об отражении бытовавших в начале нашей эры легенд о Чандрагупте и Чанакье. Ту же традицию представляет фрагмент «Артхашастры», в котором идет речь об эксплуатации религиозных суеверий посредством изготовления культовых изображений и устройства фальшивых чудес.

Следующий доклад *В.Д. Кузнецова* и *С.Н. Остапенко* (Москва) был посвящен средневековой истории и археологии Фанагории («Средневековая Фанагория: новые открытия»). Из-за малочисленности письменных источников и ограниченного объема исследований слоев средневекового времени на городище и некрополе этот период недостаточно изучен. На нижнем плато городища на большой площади в 2000 м² (раскоп «Нижний город») в рамках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в содружестве с Музеем-заповедником «Фанагория» были начаты археологические исследования, дающие возможность изучать слои V–IX вв. К настоящему моменту уже получены важные результаты, которые, в частности, позволяют разделить средневековую историю Фанагории на два больших периода: византийский (V – середина VI вв.) и «хазарский» (последняя треть VII – конец IX вв.). Основным критерием для такого деления служит катастрофа, которая постигла город в промежутке между 545 и 554 гг. – о ней сообщает Прокопий Кесарийский (*Goth.* VII. 5). В огне пожара погибла древнейшая на территории России синагога, просуществовавшая до этого в течение полутора тысяч лет. В результате тотального разрушения город прекратил свое существование более чем на сто лет. Жизнь в нем возобновилась только в последней трети VII в. С этого времени в Фанагории заметно усилилось влияние Хазарского каганата, что сказалось и на материальной культуре. Фанагория погибает в результате вражеского нападения примерно на рубеже IX–X вв.

Завершила работу пленарного заседания *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург) докладом «Л.И. Страховский и его воспоминания о М.И. Ростовцеве “Дядя Миша”». Младшая сестра М.И. Ростовцева Татьяна Ивановна (1875–?) вышла замуж за чиновника Министерства внутренних дел, в конце жизни – сенатора И.М. Страховского (1866–1921), расстрелянного большевиками по делу Таганцева. Их единственный сын Л.И. Страховский (1898–1963) учился в Александровском лицее, а затем на историко-филологическом факультете Петроградского университета, но учебу прервали две революции и Гражданская война. Он примкнул к Белому движению, в 1919 г. эвакуировался с англичанами в Великобританию, но осенью 1920 г. вернулся в Крым в армию барона П.Н. Врангеля. С конца 1920 г. Л.И. Страховский оказался в эмиграции в Лондоне, затем в Берлине, где организовал литературный кружок «Братство Круглого Стола», в который входили Г.П. Струве, В.В. Набоков и др., и с 1922 г. стал печататься под псевдонимом Леонид Чацкий. Позже он закончил Лувенский католический университет в Бельгии, получил степень доктора и стал преподавать как профессор русской истории. К концу 1920-х годов Страховский переехал в США, где продолжил преподавание. Ему принадлежат воспоминания о Ростовцеве с рассказом о визитах в петроградскую квартиру академика и встречах с ним в эмиграции.

В первый день конференции состоялось заседание двух тематических секций. Работу секции «История древнего Востока» (председатели – И.А. Ладынин, А.А. Немировский, М.С. Апенко) открыл доклад *Т.А. Сафина* (Москва) «Система земельных пожалований в государстве Шан и древнем Китае: возрождая дискуссию о неевропейском феодализме», в котором автор обратился к вопросу о том, в каких категориях стоит рассматривать земельные пожалования эпохи Шань и Чжоу. Докладчик обратил внимание на то, что древнекитайские практики

земельных пожалований часто сравнивают с феодализмом, хотя эти сравнения порой носят упрощенный характер и не учитывают дискуссию о феодализме в медиэвистике. А между тем некоторые проблемы, с которыми сталкивается исследователь земельных пожалований в древнем Китае, характерны и для дел сугубо европейских. *Б.У. Китинов* (Москва) в докладе «Религия в ойратской политике Цинской династии: конструирование этнонимов» рассказал о хранящемся в Архиве внешней политики Российской империи интересном документе, который наглядно подтверждает использование цинскими властями религиозного фактора в политике по отношению к их давним соперникам — ойратам. Они использовали религиозный дискурс этнонима «джунгар» в целях дискредитации ойратов перед буддийским миром, обвинив их в переходе в ислам. По мнению докладчика, слово «тхомкар», которым в документе названы как джунгарские правители, так и все джунгары, — это производное от тибетских ‘thom pa (среди ряда значений — «одурманенный») и dkar wa («белый») слово ‘thom dkar («одурманенные белым», «впавшие в белое»), и его следует понимать как обозначение либо еретиков, либо мусульман (ставших мусульманами).

В докладе *Б.Е. Александрова* (Москва) «Названия профессий и ремесел в клинописном корпусе из Эмара» рассматривался вопрос о роли ремесла в экономике Эмара — важного центра в долине Среднего Евфрата эпохи поздней бронзы. До сих пор основное внимание исследователей было сосредоточено на вопросах государственного строя, правовых отношений, землеустройства, торговли, религиозных практик, что было обусловлено характером источников. Докладчик же обратил внимание на то, что ремесло также играло существенную роль в экономике Эмара, собрав все упоминания ремесленников и их профессий в эмарском клинописном корпусе и предложив их предварительный анализ. Доклад *О.В. Поповой* (Москва) «Пребенда вавилонских садовников: особенности корпуса текстов» был посвящен пребende садовников, зафиксированной в нескольких нововавилонских городах: Уруке, Сиппаре, Борсиппе и Вавилоне. Эта пребенда связана с содержанием садов-*akītu*, находившихся за пределами городской стены. Частных архивов пребендариев-садовников (*rab banê*) найдено не было, что отчасти связано со спецификой пребены. При изучении их функции и статуса приходится прибегать к документам разных жанров из храмовых и частных архивов. В докладе автор рассказала об особенностях пребены *rab banê* и о корпусе текстов, позволяющих ее изучать.

Э.В. Рунг (Москва) в докладе «А существовал ли кодекс законов в Ахеменидской империи?» поставил под сомнение распространенное мнение, что в древней Персии отсутствовал кодекс законов, сопоставимый, например, с законами Хаммурапи, законами Драконта и Солона в Афинах или законами XII таблиц в Риме. Автор, во-первых, указал на роль персидского царя Дария I в кодификации местного права в Египте и, возможно, в Месопотамии и в греческих полисах Малой Азии, а во-вторых, привел свидетельства источников в пользу существования некоего «собрания законов персов и мидян», на которые ориентировались цари при принятии своих решений и в соответствии с которыми велось судопроизводство в древней Персии. Доклад *А.В. Сафронова* (Москва) «Дворцовый переворот в Персии 465 г. до н.э. глазами египетских жрецов» был посвящен анализу

фрагмента «Стелы сатрапа» (IV в. до н.э.), где говорится о каре для чужеземного правителя Хшерishi, конфисковавшего имущество храма Хора в Буто. Исходя из гипотезы, что Хшерishi – это Ксеркс, автор предположил, что глагол *wdj*, употребленный составителями стелы для описания некоего наказания для этого царя, означает «свергать», что совпадает с сообщениями античных авторов об убийстве Ксеркса и его сына Дария во дворце в августе 465 г. А египетские жрецы, узнавшие об этом, приписали потерю царем трона и его гибель воле бога Хора, показавшего нечестивца.

В докладе «Некоторые замечания к гипотезе Х. Гедике относительно начального этапа маршрута бегства Синухета» *Р.А. Орехов* (Москва) на основе предложенной австрийским египтологом (Goedicke, H. 1957: *The Route of Sinuhe's Flight. Journal of Egyptian Archaeology* 43, 77–85) версии «бегства» Синухета, приближенного Сенусерта I, испугавшегося дворцовой смуты, которая должна была разразиться после внезапной смерти Аменемхета I, определил, где именно могли располагаться топонимы, упомянутые в начале повести, постаравшись конкретизировать их местоположение. *И.А. Ладынин* (Москва) посвятил доклад «К идентификации персонажей ливийского времени в египетском логосе Геродота: царь Асихис (Hdt. II. 136)» возможным историческим прототипам царя, который, согласно Геродоту, ввел ряд норм, связанных с долговым правом. У Диодора Сицилийского аналогом этого царя является, видимо, Сасихис, второй великий законодатель Египта (Σάσιχιν – Diod. I. 94). По мнению докладчика, для интерпретации этих свидетельств важно упоминание в них долгового законодательства, вызывающее ассоциацию с деятельностью царя XXIV династии Бокхориса (ср. Diod. I. 65. 94); кроме того, форму имени «(С)асихис» можно сопоставить с Хоровым именем основателя XXIV династии Тefнахта *si'-ht* («сведуший утробой»). Таким образом, этот персонаж Геродота скорее мог отражать реминисценции о Тefнахте.

Доклад *А.А. Немировского* (Москва) «Завершение “Египтиак” Манефона и вопрос о его лояльности македонской власти» был посвящен вопросу, был ли Манефон Севеннитский, автор труда по истории Египта, лояльным по отношению к македонской власти. По мнению докладчика, Манефон на самом деле не поддерживал новую македонскую власть. Список династии по Манефону оканчивался на Нектанебе II, однако в Эпитоме Манефона содержится информация о XXXI династии. Автор предположил, что в самом тексте Манефона эти цари действительно были описаны, но оставались без династии (т.е. были узурпаторами). Примечательно, что в таком случае узурпатором оказывается признан и Александр Македонский. Таким образом Манефон хотел завуалированно показать, что не считает новых македонских царей легитимными. В докладе «О закономерностях в проведении синодов египетского жречества» *М.С. Апенко* (Москва) обратил внимание на то, что эти собрания жрецов всегда проходили в первые годы правления того или иного царя и были связаны с предоставлением им особых почестей – введением династического культа. Следующий синод, через несколько лет после первого, был приурочен к некоему достижению царя и расширял предоставляемые ему почести. Исключением в данном случае оказывается правление Птолемея V, что было вызвано конкретной ситуацией, в частности, его юным возрастом, а не изменениями в политике этого царя.

Доклад *В.В. Бельского* (Москва) «Видения библейского пророка Захарии как источник по ранней истории второго иерусалимского храма» был посвящен изучению фиксирования исторической информации в 1–6 главах соответствующей библейской книги. Автор отметил, что видения Захарии не претендуют на точное воспроизведение исторических фактов, а представляют события, осуществление которых является предметом ожиданий пророка. Необходимо также учитывать, что древнеизраильское пророчество было неразрывно связано с актуальной для пророка исторической ситуацией, а пророческая речь являлась призывом к ее изменению. Таким образом, в докладе были выявлены особенности субъективного отражения исторической реальности в изучаемом библейском тексте посредством анализа его жанра, структурных характеристик, прагматической цели его создателей.

Заседание секции «Археология, нумизматика, эпиграфика I» (председатели – *А.И. Иванчик, С.Ю. Сапрыкин, С.В. Смирнов*) открылось докладом *Д.В. Журавлева, П.В. Гурьевой, Е.С. Коваленко, Е.Ю. Терещенко, Е.Б. Яцишиной* (Москва) «Кипрские фигурные сосуды из собрания ГИМ: взгляд изнутри», который был посвящен изучению коллекции кипрских древностей, собранной графом *А.С. Уваровым*. Среди них особое место занимает серия редких фигурных сосудов эпохи средней и поздней бронзы. В НИЦ «Курчатовский институт» было проведено рентгеномографическое исследование этих сосудов, позволившее определить особенности их внутреннего строения и уточнить технологию их изготовления.

В докладе «Свинцовый архив Мирмекия: новые прочтения и новые тексты» *А.П. Бехтер* (Санкт-Петербург) представила несколько неопубликованных текстов, а также проанализировала прочтения и интерпретации свинцового письма-опистографа, найденного на городище Мирмекий в 2017 г. Первый из неопубликованных документов, палеографически близкий письму Орея, принадлежит к IV в. до н.э., второй – к первой четверти III в. до н.э. Содержание двух фрагментированных документов не может быть полностью восстановлено, однако наличие глаголов в форме императива (ἴηε, λαρόλαβε) и личных имен (Сократ, Артемидор) позволяет с уверенностью отнести указанные объекты к жанру деловых писем. Деловая переписка, представленная во всех документах, свидетельствует о весьма активной деятельности жителей Мирмекия в IV–III вв. до н.э.

Доклад *С.Ю. Сапрыкина и Н.И. Винокурова* (Москва) «Новые данные о династической истории Боспора в конце III – первой половине II в. до н.э. (стол-трапеца из Артезиана с остатками греческой надписи)» был посвящен неопубликованному мраморному столу-жертвеннику с остатками двух греческих надписей. Первая являлась посвящением за Перисада III, сына Левкона II, Аполлону Врачу от имени жреца, возможно, по имени Поликрат, сын Кратиппа. Вторая надпись свидетельствует о постройке (или ремонте) храма при царе Аспурге предположительно Фокионом, жрецом Бога Героса Внемлющего. В это время плита стола использовалась как закладка храма или ограды теменоса храма. После разрушения поселения в ходе боспоро-римской войны 45–49 гг. н.э. вторая надпись была сбита, а стол использовался в качестве убранства алтаря вплоть до разрушения его при землетрясении в конце III в. н.э. *Ф.В. Шелов-Коведяев* (Москва) в докладе «ΕΥΠΟΣΙΑ и ΔΙΑΜΟΝΗ в ольвийской эпиграфике» проанализировал значения

обозначенных понятий, раскритиковав различные интерпретации этих лексем, в первую очередь – трактовку последней как параллельной латинскому выражению *pro aeternitate*. Многочисленные примеры лапидарных текстов показывают, что *εὐλοσία* означает обеспеченность водными ресурсами (как и *εὐλοσιάρχης* изначально обозначал магистрата, ответственного за снабжение полиса водой). *Διαμονή* встречается в надписях (за редчайшими региональными исключениями, происходящими, главным образом, из Сирии и Северной Африки) в составе устойчивой формулы *αἰώνιος/ἄϊδιος διαμονή*. Тем самым, *διαμονή* есть не синоним латинского *aeternitas* (за идею вечности отвечают прилагательные *αἰώνιος/ἄϊδιος*), но термин, охватывающий следующие значения: 1) власть, господство, контроль; 2) продолжительность, несменяемость; 3) сохранность, стабильность. Доклад *Н.В. Завойкиной* (Москва) «Надгробие 334 г. н.э. из окрестностей Фанагории» был посвящен случайно обнаруженной весной 2023 г. в окрестностях городища Фанагория массивной плите с греческой эпитафией. Она сообщает, что некто (имя утрачено) поставил надгробие своей супруге. Особый интерес вызывает вторая часть эпитафии, в которой прописано наказание за порчу надгробия в виде денежного штрафа. Подобное встречается впервые в надписях Боспора.

В докладе *Д.В. Журавлева, А.М. Камышанова, Н.П. Конотопова* (Москва) «О некоторых результатах работ Боспорской археологической экспедиции ГИМ в 2019–2023 гг.» были представлены результаты работ экспедиции за последние пять лет. Завершены работы на архаическом поселении Голубицкая 2, где был открыт комплекс третьей четверти VI в. до н.э.: полуземлянка и несколько хозяйственных сооружений с печами. Начаты исследования укрепленного городища Красный Октябрь 1, где был открыт уникальный керамический производственный комплекс первой половины I в. н.э., включающий в себя несколько печей различных конструкций, обожженные площадки, склад глины и т.п. На Семибратнем городище выполнена магнитная разведка, позволившая по-новому оценить перспективы дальнейшего исследования этого памятника: выявлены новые системы рвов, оборонительных стен, общественные и жилые постройки.

Е.В. Захаров (Москва) представил доклад «К вопросу о составе сплава электра монет Кизика и древнегреческих ювелирных изделий V–IV вв. до н.э.». Принято считать, что электровые монеты, чеканившиеся в VII–IV вв. до н.э., изготовлены из природного или искусственного сплава золота и серебра, который античные авторы называли электром или «белым золотом». Исследования сплава электровых монет, произведенные за последние два столетия, показали, что количество золота и серебра в нем не было постоянным и колебалось от 69 до 16%. В докладе был проведен анализ соотношения золота и серебра в монетах Кизика и ювелирных изделиях, хранящихся в фондах ГИМа и обнаруженных в Херсонесе Таврическом.

В докладе *А.В. Безрукова* (Магнитогорск) и *В.В. Улитина* (Краснодар) «Военно-политические факторы и греко-варварская торговля: проблемы сопоставления данных письменных и археологических источников (на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала)» было показано, насколько репрезентативны разные группы источников по данному кругу вопросов. Первая группа проблем связана с отражением информации, касающейся определенных товаров, динамики торговли, видов военно-политических факторов и динамики военно-политических

событий. Вторая группа – проблемы, связанные с точностью датировки событий военно-политического характера на основе археологического материала. Третья группа – проблемы локализации и этнокультурной атрибуции. Четвертая группа – проблемы выявления причин изменений в торговле.

Доклад *С.В. Смирнова, Е.В. Захарова* (Москва) и *Е.А. Кувшиновой* (Санкт-Петербург) «Монеты государства Селевкидов из российских музейных собраний: итоги проекта» был посвящен результатам совместного проекта Российской академии наук, Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа, начатого в 2017 г. К концу 2023 г. завершена основная часть проекта, в ходе реализации которого и подготовки каталога коллективом авторов были изучены коллекции 24 российских музеев, проведена работа по выявлению и определению монет государства Селевкидов, дана дополнительная уточняющая атрибуция. Всего в планируемом издании будет представлено более 2000 селевкидских монет, многие из них публикуются впервые. Издание дополнит история крупнейших музейных собраний селевкидских монет в России.

Работа секции завершилась докладом *Д.Б. Меркина* (Москва) «Великие Дидимей в контексте политики Рима по отношению к греческим праздникам», который был посвящен анализу сведений о дидимейском культе в I–III вв. н.э. На основании данных эпиграфики и нумизматики можно сделать вывод, что популярность венковых игр в святилище выросла в эпоху Марка Аврелия и Коммода из-за придания им статуса *εἰσελαστικῆς ἀγῶνης*. Победители на таких играх, помимо других почестей, получали право на торжественный въезд в родной город и специальное пособие. Однако почетные надписи победителей из Милета и Дидим показывают, что победа на играх была важна не только для профессиональных спортсменов из других городов, но и для местных элит: для юных атлетов из Милета победа на играх в дальнейшем становилась важным шагом в их административной карьере.

Во второй день конференции, 21 декабря, работало четыре тематических секции. В первой половине дня заседания проходили в секциях «История древней Греции и эллинистических государств» и «История древнего Рима I». Секция «История древней Греции и эллинистических государств» (председатели: О.Л. Габелко, Е.И. Соломатина, Е.Н. Бузурнюк) открылась докладом *И.Е. Сурикова* (Москва) «Два Крития и Атлантида: из истории афинской олигархической мысли». Напомнив слушателям о политических и историософских дискуссиях IV в. до н.э., в контексте которых обычно трактуется легенда об Атлантиде, излагаемая Платоном в диалогах «Тимей» и «Критий», докладчик обратил внимание на то, как через изображение «развернутой морем» Атлантиды (напоминает демократические Афины времен Перикла) и ее сравнение с идеализируемыми «древнейшими Афинами» (четко укладываются в параллель с классической Спартой – консервативной, сухопутной и не демократической) проявилась олигархическая и лаконофильская система взглядов. Кто был тот Критий, в уста которого ее вложил Платон? Традиционное отождествление его с известным олигархом конца V в. до н.э. Критием, в 404–403 гг. до н.э. возглавлявшим режим «Тридцати тиранов» в Афинах, наталкивается на серьезные и непреодолимые хронологические трудности. Докладчик предложил видеть в персонаже платоновских диалогов другого Крития (сына Леаида), деда «тирана», который стал известен благодаря эпиграфическим данным.

В докладе *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Религиозная “экспертиза” и военные конфликты: об особенностях военной мантики в древней Греции в эпоху классики» рассматривалась практика гаданий в военной сфере. Особое внимание в докладе было уделено гаданиям по внутренностям жертвенных животных, которые обычно проводились перед началом военного предприятия, при пересечении войском границ собственного государства или непосредственно перед вступлением в сражение. Популярность именно этого вида гаданий, не зафиксированного в гомеровских поэмах и появившегося под влиянием ближневосточных практик, широко засвидетельствована в исторических сочинениях эпохи классики — трудах Геродота, Фукидида, Ксенофонта, сообщения которых находят параллели в аттической трагедии, а также в вазописи. Эти свидетельства позволяют изучить структуру и основные компоненты данного ритуала, рассмотреть бытовавшие способы толкования божественных знамений, а также отметить особенность этого вида военной мантики у древних греков, в частности ее относительную простоту в сравнении с ближневосточными образцами.

Доклад *Е.Н. Бузурнюк* (Москва) «Женские собрания в комедиях Аристофана: женское пространство и нарушение сценической иллюзии» был посвящен разбору сцен с участием только женских персонажей в «женских» комедиях Аристофана — «Лисистрате», «Женщинах на празднике Фесмофорий» и «Женщинах в народном собрании». Во всех этих комедиях женщины собираются вне частного пространства дома, чтобы принять политическое или общественно значимое решение, такие «женские» собрания конструируются по модели «мужских» и следуют процессуальному порядку народного собрания. Однако, по мнению докладчика, женские собрания изображены иначе, чем «мужские». Хотя в комедиях женщины выходят в общественное пространство, сцены женских собраний остаются закрытыми для зрителей, которые не становятся соучастниками драматического действия, оставаясь лишь наблюдателями. Открытое пространство, стирающее границу между зрителями и драматическим действием, и закрытое, т.е. не вовлекающее зрителей в исполнение отведенной им драматической роли, маркируются поэтом с помощью нарушения или, наоборот, поддержания сценической иллюзии.

Д.А. Баранов (Воронеж) в докладе «“Кавнийское восстание” и Ликия: свежий взгляд на один эпизод Пелопоннесской войны» представил краткий обзор результатов интерпретаций ликийских текстов в научной литературе последних лет. Было отмечено существенное пополнение западной историографии работами, выводящими на принципиально новый уровень понимание содержательной составляющей текстов. Особое внимание докладчик уделил тексту «династической хроники» правителей Ксанфа (*TAM I 44*) и отображенным в нем историческим реалиям. «Стела надписей» («*Inscribed Pillar Tomb*», «Хроника Гарпагидов/Куприллидов») содержит бесценные сведения, подтверждающие и дополняющие нарративную традицию, относящуюся к описанию событий Пелопоннесской войны, деятельности персидского сатрапа Тиссаферна на Юго-Западе Малой Азии и характера взаимоотношений ликийцев с греческим и персидским миром в последней трети V в. до н.э. В результате обзора новых интерпретаций этого документа автор выдвинул новую версию событий восстания в Кавне, которая уточняет хронологию похода Зопира, показывает роль ликийцев в политике персидских царей

на Юго-Западе Малой Азии и формирует новый взгляд на давние предположения В.В. Шеворошкина о содержательной части текста стелы.

Доклад *О.В. Осиповой* (Москва) «“История” Фукидида как образец для эллинистической историографии: новое исследование рецепции древнегреческих исторических сочинений» был посвящен обзору одного из новейших исследований древнегреческих исторических сочинений как произведений художественной литературы (Kurpios, M. *The Reception of Thucydides in the Theory and Practice of Hellenistic Historiography*. Wien, 2021). На примере анализа Марчином Курпесом трактатов Дионисия Галикарнасского, в которых рассматриваются достоинства «Истории» Фукидида, важные для эллинистической историографии, в докладе была показана специфика авторского подхода к исследованию рецепции и интертекстуальности.

В докладе *Ю.Н. Кузьмина* (Самара) «О предполагаемом мирном договоре между Антигонидами и Эакидами после гибели Пирра» была представлена точка зрения автора о том, с кем из сыновей Пирра после его гибели мог заключить договор Антигон Гонат. Согласно распространенному в исторической литературе мнению, после разгрома и гибели Пирра в Аргосе осенью 272 г. до н.э. его наследник Александр II, находившийся в это время в Эпире, заключил мирный договор с победителем, Антигоном Гонатом. Однако если подобный договор, о котором в источниках не сохранилось информации, действительно был подписан, то Гонат, по мнению докладчика, мог заключить его с другим сыном Пирра – Геленом, который попал в плен в Аргосе и позднее был с почестями освобожден македонским царем. Гелен, единокровный брат Александра II, был отправлен Гонатом в Эпир вместе с останками Пирра и частью его капитулировавшей армии. Дальнейшая судьба Гелена неизвестна; в источниках он более не упоминается. Нападение Александра II на Македонию во второй половине 260-х годов до н.э. позволяет допустить, что он не имел личных обязательств перед Антигоном Гонатом и не заключал с ним ранее мирного договора.

В докладе *Е.М. Берзон* (Москва) «Астрономический дневник за 35-й год СЭ в контексте селевкидской истории 270-х годов до н.э.» была предложена интерпретация некоторых событий, отраженных в одном из астрономических дневников, датированном 35-м годом селевкидской эры, или 277/6 г. до н.э. (*AD IV*, 276). В записях, относящихся к шестому месяцу (сентябрь 277 г.), упоминается некий поход «во вражескую землю». В тексте также сообщается, что в восьмом месяце этого года (ноябрь 277 г.) царица Стратоника лично посетила Вавилон и устроила в городе празднество. Упомянутый в дневнике поход можно соотнести с одной из анатолийских кампаний Антиоха I – в контексте войны с Северной лигой или, что более вероятно, с галатами. Приезд же Стратоники в Вавилон и проведенные ею мероприятия, возможно, связаны с событиями апреля 278 г. (*AD I*, 277 A, obv. 6) и осени 278 г. (*BCHP* 17). Приезд царицы не только демонстрировал внимание центральной власти к локальным проблемам, но и должен был в некоторой степени их нивелировать. Примечательно, что в данной ситуации Стратоника действует как самостоятельный актер – именно как *basilissa*, а не «жена царя», и это уникальное свидетельство в клинописных источниках эпохи эллинизма. Кроме того, эти данные позволяют уточнить датировку Илионского декрета (*OGIS* 219), который, вероятно, был издан в 276 – первой половине 274 г. до н.э. В надписи говорится о

восстановлении царем Антиохом мира и порядка, а также о пребывании царской четы в областях «по эту сторону Тавра», что и приходится на указанный период.

О.Л. Габелко (Москва) в докладе «ΚΤΙΣΤΗΣ: о возможном происхождении одного тронного эпитета эллинистических монархов» обратился к рассмотрению почетных эпитетов царей как чрезвычайно показательному элементу идеологического оформления эллинистической монархии. Использование официальных тронных эпитетов засвидетельствовано во многих династиях эллинистического мира и вроде бы не имеет более или менее четко выраженной этнической подосновы. Между тем, почетное прозвище «Ктист» засвидетельствовано для четырех монархов: Митридата I Понтийского, Антиоха I Коммагенского, одного из парфянских царей (Орода II?) и Архелая I Каппадокийского, имевших очевидное иранское происхождение. Так как эта эпитет не была непосредственно связана с основанием какого-либо города, она, по мнению докладчика, в каждом конкретном случае могла отражать определенные персидского-ахеменидские идеологемы и нести своеобразную семантическую и политико-пропагандистскую нагрузку. Доклад *О.А. Давыдовой* (Москва) «Отождествлялась ли Береника II с Артемидой? Об одной статуэтке в Британском музее» был посвящен проблеме идентификации и отождествлению одного артефакта, а именно известняковой статуэтки, найденной при раскопках храма Аполлона на Кипре в 1873 г. По сходству лица с изображениями на монетах исследователи сочли, что статуэтка представляет Беренику II, но так как царица изображена с луком и колчаном стрел, она была отождествлена с греческой богиней Артемидой. Однако основной чертой культа царицы являлся, прежде всего, ее образ матери и покровительницы семьи, что не соотносится с функциями богини-девственницы. Кроме того, на данный момент статуэтку можно считать единственным свидетельством такого отождествления. Следовательно, либо статуэтка изображает не Беренику II, либо в данной ипостаси царица отождествлена с иной богиней.

Завершил работу секции доклад *А.В. Зибеева* (Сургут) «Греческие авторы о чуме до VI в.: описания Руфа Эфесского и Аретея Каппадокийского». Докладчик обратился к до сих пор дискуссионному в исторической науке вопросу об известности такой болезни, как чума, населению Средиземноморья в классической античности. Хотя недавние исследования микробиологов показали, что бактерия *Yersinia pestis*, вызывающая чуму, уносила человеческие жизни еще в бронзовом веке, анализ греческих нарративных источников позволяет предположить, что чума была в целом незнакома греческим и латинским авторам вплоть до II в. н.э. Исключением считаются описания Руфа Эфесского и Аретея Каппадокийского с подробным перечислением симптомов раннее неизвестной болезни, которая сопровождалась появлением бубонов и страданиями больных.

Заседание работавшей параллельно секции «История древнего Рима I» (председатели — М.Н. Кириллова, Л.Л. Кофанов, Е.В. Ляпустина) было открыто докладом *А.В. Логинова* (Москва) «Ἐνεχουρασία в древнегреческом праве и римский институт *pinogis cario*», в котором были выделены общие черты этих институтов. И тот, и другой можно считать мерами, применявшимися с целью обеспечить исполнение обязательства, причем принудительно, зачастую даже с помощью насилия. И *Ἐνεχουρασία*, и *pinogis cario* могут осуществляться публичной

властью в общественных интересах; с ними может быть связано и возникновение частнопроводного института залога как в греческом, так и в римском праве. Также заслуживает внимания возможная связь *ἐνεχουρασία* и *pignoris capio* с жертвоприношениями.

А.И. Черкасов (Ставрополь) в докладе «Диодор Сицилийский о Самнитских войнах: к вопросу о первоисточниках», подчеркнув компилятивный характер труда Диодора, изначально предполагающий многообразие источников «Исторической библиотеки», предостерег от экстраполяции выводов из отдельных частей повествования на всю работу в целом. Исходя из того, что все выводы по конкретным эпизодам должны ограничиваться только изучаемыми отрывками, и сосредоточившись на отдельных событиях Самнитских войн, докладчик представил результаты внутреннего и сравнительного анализа 14 повествовательных блоков в книгах XIX–XX и (частично) XVI и XXI, придя к выводу, что в описании Самнитских войн Диодор не придерживался одного основного источника, а попеременно использовал ранних и поздних анналистов, а также в некоторых местах греческих авторов.

В докладе «Культурное взаимодействие в Лации VIII–III вв. до н.э. по данным Тита Ливия» *Л.М. Шмелева* (Казань) обратила внимание на то, какое отражение в труде историка нашли процессы заимствования римлянами у других италийских племен, а позже и у греков, идей, обрядов и ритуалов, прежде всего в политической сфере (обряд объявления войны, идея союза общин вокруг храма Дианы). Также по сочинению Ливия можно проследить культурные связи с разными регионами Италии. *Н.А. Филянов* (Москва) в докладе «Цицерон, Союзническая война и *leges de civitate* 91–90/89 г. до н.э.» подробно разобрал сведения античных авторов о предоставлении латинам и италикам прав римского гражданства как о причине и итоге Союзнической войны, уделив особое внимание сведениям Цицерона (*Balb.* 21, 50; *Brut.* 304; *Cluent.* 197; *Fam.* XVI. 22. 1; *Phil.* III. 32; XII. 27), а также рассказам Валерия Максима, Псевдо-Аврелия Виктора и Плутарха о диалоге между Катонам Младшим и Кв. Поппедием Силоном (*Val. Max.* III. 1. 2; *De vir. ill.* LXXX. 1; *Plut. Cat. Min.* 1–2). Проведенный анализ показал, что отношение римских сенаторов к предоставлению латинам и италикам римского гражданства неоднократно менялось как в ходе самой войны, так и под влиянием законопроектов М. Ливия Друза (*rogatio Livia de sociis [et nomine Latino?] civitate danda* 91 г. до н.э.), Кв. Вария Гибриды (91/90 г. до н.э.), Кальпурния (90 г. до н.э.) и Юлия (90/89 г. до н.э.). В докладе также оспаривались некоторые гипотезы, выдвинутые в этой связи Х. Муритсеном. По мнению автора доклада, «позиция Катона» относительно стремления италиков к римскому гражданству восходит непосредственно к Цицерону и отражает его представления о целях италиков в период Союзнической войны.

Т.А. Бобровникова (Москва) представила доклад «Тени, лемуры, ларвы», в котором рассмотрела представления о неупокоенных духах как о приносящих вред живым людям злобных демонических существах, бытовавшие в древнем Риме, и постаралась прояснить их генезис. Основными источниками исследования послужили пассажи из Плавта, Вергилия, Горация, Плиния Младшего, Персия, Светония, а также комментарии Помпония Порфириона к Горацию. Важную дополнительную информацию дали выявленные при археологических раскопках и опубликованные магические тексты на древнегреческом и латинском языках. В результате

исследования было установлено существование двух категорий мертвых, порождавших неуспокоенных духов: это лишенные правильного погребения и умершие до срока. Кроме того, в докладе шла речь о том, какой вред живым могли причинить подобные духи, а также о способах магической защиты от этих демонов, применявшихся в древнем Риме.

Оживленное обсуждение вызвал доклад *Л.Л. Кофанова* (Москва) «Женские *potina* в Риме эпохи Республики и Принципата». Как известно, подвластные дочери в римских семьях эпохи Республики и Принципата, как правило, не имели личных имен, но носили родовое имя отца, стоящее в женском роде. Выходя замуж, такая женщина сохраняла за собой отцовское родовое имя, но если в результате брака переходила под власть мужа и становилась членом его рода, прежнее отцовское родовое имя становилось ее личным именем, к которому добавлялось родовое имя мужа, стоящее в именительном или родительном падеже. Т. Моммзен связывает этот обычай с брачным ритуалом, когда невеста, переступая порог дома жениха, на вопрос, кто она, отвечала: «Поскольку ты Гай, то я Гайя» (Plut. *QR*. 30). Согласно Дж. Франчози, обычай перехода жены из отцовского рода в род мужа при браке *cum manu* и присвоения ей родового имени мужа строго соблюдался в республиканском Риме. Это подтверждается данными из некрополя IV – начала II вв. до н.э. латинского города Пренесте. Исчезновение этого обычая связывают с постепенным отмиранием браков *cum manu* (*confarreatio*, *coemptio*, *usus*), нередко датируемым II в. до н.э. – I в. н.э. Однако данные юридических источников II – начала III вв. н.э. прямо указывают на продолжение существования браков, заключавшихся посредством *confarreatio* и *coemptio*, а также власти мужа над женой в течение всего периода Принципата. Возникает вопрос, а сохранилась ли традиция присваивать подвластным женам имена мужского рода? Ответить на это еще предстоит в будущих исследованиях. Доклад *А.В. Короленкова* (Москва) «Марий и законодательная деятельность во время его трибуната» был посвящен *lex Maria de suffragiis ferendis* и его трибунскому вето на проект хлебного закона. Инициированный Марием закон о голосовании, по мнению докладчика, способствовал подкупу избирателей, и при его проведении он вовсе не ссорился с сенатом и знатью, как это изображает Плутарх, а заручился поддержкой весьма влиятельных людей. Наложив вето на зерновой закон, Марий, судя по всему, выступил против сокращения хлебных дотаций, каковое этот проект, надо думать, и подразумевал.

Во второй половине дня начала свою работу секция «Археология, нумизматика, эпиграфика II» (председатели – Д.Д. Беляев, А.В. Сафронов, Л.Г. Елисеева, С.А. Коваль). Открыла работу секции *Л.С. Баюн* (Москва) докладом «Лувийско-хурритские этноязыковые контакты и культурные влияния в Юго-Восточной Анатолии II–I тыс. до н.э.», в котором говорилось о продолжительном этноязыковом взаимодействии изначально не родственных групп населения на обширных территориях Юго-Восточной Анатолии, следы которого обнаруживаются в эгейском мире. При этом наряду с заимствованием технических терминов неиндоевропейского происхождения особый интерес представляют художественные образы и мифологические представления, которые могли переходить из одной традиции в другую в исходной языковой форме. Как один из возможных примеров такого перехода в докладе приводилось предположительное восстановление хурритского

причастия **har-ubad-(e)* «непроходимый», «непреодолимый», которое могло стать источником гомеровского имени *Χάρυβδις* «водоворот», «залив».

Е.Ю. Ченель (Москва) в докладе «Анахоресис в римском Египте: новый папирусный документ из коллекции Г.Ф. Церетели в Тбилиси» представила неопубликованный папирус из Национального центра рукописей Грузии в Тбилиси, в котором содержится заявление об анахоресисе (уходе) несовершеннолетнего деревенского жителя комы Каранис в Фаюме, с последующим внесением его в списки для освобождения от уплаты подушного налога (лаографии). Это первый подобный документ среди греческих папирусов из Египта. Новый источник будет подробно рассмотрен в контексте анахоресиса как социально-экономического явления в римском Египте.

В докладе «Аттическая расписная керамика из Елизаветинских курганов: раскопки Н.И. Веселовского 1912–1917 гг.» *Т.В. Рябкова, А.Е. Петракова и А.Г. Букина* (Санкт-Петербург) рассмотрели некоторые произведения аттической расписной керамики из Елизаветинских курганов (Краснодар), в которых были погребены представители эллинизированной скифо-меотской знати IV в. до н.э. Некоторые из ваз были введены в научный оборот впервые. *Е.В. Приходько* (Москва) выступила с докладом «Вступления к малоазиатским оракулам по пяти и семи астрагалам об этом виде мантического искусства», который был посвящен 21 надписи II – начала III в. н.э. из пограничных областей Юго-Западной Малой Азии – Писидии, Памфилии, Фригии, Ликии и Киликии, содержащим текст оракулов по пяти или семи астрагалам. Данные надписей разной степени сохранности – единственный источник по этому типу прорицаний; у восьми надписей текст оракула предваряют короткие вступления. На основании анализа содержащейся в них информации в докладе удалось прийти к следующим выводам: прямоугольная колонна с вырезанным на ней текстом оракула по пяти астрагалам и с венчающей ее статуей Гермеса была прорицалищем под открытым небом. Возле этой колонны незримо обитал оракул, т.е. вещей дух места, который контролировал падение брошенных астрагалов. Гермес, почитавшийся покровителем астрагальных оракулов, выступал здесь не как независимое божество, а как исполнитель воли Аполлона, отдавшего ему под контроль мантику по жребиям.

В докладе *А.А. Зедгендзе* (Москва) ««Древний Херсонес» Страбона: картография» для реконструкции первоначальной планировки укрепления на перешейке Маячного мыса на северо-западной оконечности Гераклейского полуострова, с которым отождествляется упомянутый Страбоном (VII. 4. 2) «Древний Херсонес», были привлечены карты Гераклейского полуострова XVIII–XX вв., отражающие состояние исследуемой территории до масштабных разрушений XX в. *А.В. Сазанов* (Москва) в докладе «Комплексы второй четверти II в. н.э. городища Батарейка I и история Боспора этого времени» проанализировал керамические комплексы городища Батарейка I, образовавшиеся в результате гибели крепости на памятнике (амфорная тара в башне и синхронная ей круговая столовая и кухонная посуда в помещении II), и на основании анализа материалов из слоя пожара предположил, что разрушение крепости произошло в 123/124 г. н.э. во время войны между боспорским царем Котисом II и скифами, закончившейся победой правителя Боспора. *В.С. Тимофеев* (Москва) в докладе «Новый взгляд на

арамейскую надпись из Гиеноса (г. Очамчыра, Республика Абхазия)» представил палеографический анализ арамейской надписи, найденной на городище Гиенос в 2019 г. и первоначально прочитанной как начало алфавитария. Опровергая это чтение, автор предложил несколько новых вариантов интерпретации этой надписи, выполненной арамейским письмом неизвестного извода.

Завершивший работу секции доклад *Д.Д. Беляева и А.В. Сафронова* (Москва) «Общинные структуры у древних майя Западного региона в позднеклассический период: эпиграфические свидетельства» был посвящен классическому периоду I тыс. н.э., для которого общинные структуры майя известны исключительно по археологическим данным (письменные источники, описывающие общину и общинные институты у майя, датируются концом XV – XVI вв.). Благодаря прогрессу, достигнутому в чтении иероглифических надписей майя в последние годы, было показано, что распространенные в текстах «тителы происхождения» типа ах-... (букв. «тот, кто из такого-то места») могут обозначать не отдельных индивидов (военачальников или владетелей), а коллективы (букв. «те, кто из...», т.е. «люди из такого-то места»). Проанализировав употребление таких коллективных «тителов происхождения» в иероглифических надписях VII–VIII вв. городов Западного региона области майя, авторы доклада выдвинули гипотезу, что обозначаемые ими социальные группы в обществе майя позднеклассического периода могли представлять собой городские общинные коллективы различного ранга. Упоминания «людей из ...» в военных контекстах свидетельствуют, что городские общины могли быть самостоятельными участниками военно-политической борьбы, а не находились всецело под контролем царской администрации.

Параллельно работала секция «Античная наука, история науки и рецепция античной и древней ближневосточной истории» (председатели – Е.В. Ляпустина, А.В. Иванова, С.Г. Карпюк), объединившая доклады по трем весьма широким направлениям науки, связанным с античностью, ее изучением и восприятием. В открывшем заседании докладе «“Глазами историка”: научные и научно-популярные тексты С.Л. Утченко 1960-х годов» *С.Г. Карпюк* (Москва) сопоставил научное творчество С.Л. Утченко и его научно-популярные работы (статьи в журнале «Новый мир», книга очерков) эпохи оттепели. Кроме того, была показана роль зарубежных поездок в формировании взглядов ученого.

А.В. Подосинов (Москва) предложил оригинальную тему: «Место географической дисциплины в образовательных институтах античности». В своем докладе он задался вопросами, кто, где, как, когда (на каком уровне) преподавал и изучал в регулярном порядке географию как отдельную научную или прикладную дисциплину. Откуда школьник, читающий и заучивающий наизусть Гомера (в Греции) или Вергилия (в Риме) мог почерпнуть сведения о сотнях топонимов и этнонимов, упомянутых этими и другими авторами? О географии и картографии как части географии, как науке и ее месте среди других наук, в частности, астрономии и геометрии, сохранилось не так много свидетельств. В докладе были собраны данные о преподавании географии в «средней» и «высшей» школе. Итоги исследования таковы: география как наука сама по себе не преподавалась в средней школе, но преподавалась в рамках комментирования читаемых классических авторов. Учителя должны были пользоваться различными пособиями, комментариями и схолиями,

которые были в широком употреблении в Греции и Риме, начиная с эллинистического времени. Можно предполагать, что высшее образование включало в себя и занятие географией, входившей в цикл геометрической и астрономической дисциплин. Но следует признать, что источники дают слишком мало материала для однозначных выводов и работа над этой темой должна быть продолжена.

Именно географической литературе был главным образом посвящен доклад Д.А. Щеглова (Санкт-Петербург) «“Эффект Матфея” в античной литературной традиции?» Автора заинтересовал вопрос о том, как был сформирован весьма узкий круг влиятельных античных географов, которые наиболее часто упоминаются в современных изложениях истории античной литературы. Наиболее известными являются так называемые «большие географы» (Страбон, Птолемей, Стефан Византийский и – с оговорками – Павсаний и Плиний) и еще около 20 тоже несомненно значимых авторов, хотя мы знаем о еще 200–250 авторах, которых так или иначе относят к числу античных географов. Попытки ранжировать этих авторов по значимости предпринимали уже сами античные географы. Сравнение составленных ими списков достойных упоминания предшественников дает двоякий результат. С одной стороны, списки (например, те, что дают Эратосфен, Агафархид, Псевдо-Скимн, Авиен, Маркиан) демонстрируют больше различий, чем сходств, а источники, считающиеся наиболее надежными, например, Эратосфен и Страбон, имеют серьезные пробелы и охватывают менее 50% имен, которые они могли бы упомянуть. С другой стороны, наблюдается устойчивая цепочка преемственности, так как известные авторы склонны выбирать своими предшественниками не менее известных авторов. Точно так же авторы, которых мы полагаем второстепенными, – это те, о ком упоминают только второстепенные источники. Этот эффект неравного распределения внимания источников между предшествующими авторами важно учитывать при составлении общей картины развития литературной традиции.

Следующая группа докладов была посвящена антиковедению XX в. О.Ю. Климов (Санкт-Петербург) обратился к теме «Вопросы истории Пергамского царства в трудах М.И. Ростовцева», рассмотрев, как тот характеризовал историю и важнейшие институты Пергамского государства в своих трудах по истории эллинизма. Историю царства Атталидов Ростовцев делит на два периода, которые определяются характером власти правителя и особенностями государственных институтов – *dynasteia* и *basileia*, хотя достаточных оснований называть Филетера и Эвмена I династами нет. По мнению Ростовцева, в царстве Атталидов сложилась система административно-территориального деления, напоминающая египетскую времени Птолемеев с некоторыми местными вариациями. Отмечая большую роль городов, прежде всего, Пергама, историк основательно характеризует полисные институты. В целом вся картина развития городского строя и политики Атталидов в отношении городов, как ее представляет Ростовцев, предполагает очень высокую степень централизации власти в руках Атталидов и вмешательство короны в городские дела. Между тем, политика Атталидов в отношении полисов была более гибкой. Общая позиция Ростовцева в оценке политического строя Пергамского царства состоит в том, что в государстве Атталидов сложилась достаточно четко структурированная, централизованная система управления

со стройным и унифицированным административно-территориальным делением страны, с жестким контролем царской власти над всеми частями государственной системы и областями государства. Фактический материал во многом не подтверждает такой вывод, что нисколько не умаляет заслуг ученого в исследовании Пергамского царства и всего эллинистического мира.

В докладе «Что рассказал “Скифский роман” о рождении *SEHRE* М.И. Ростовцева» *Е.В. Ляпустина* (Москва) обратилась к удостоенному Государственной премии Российской Федерации за 2000 год фундаментальному изданию, инициатором и ответственным редактором которого был Г.М. Бонгард-Левин. Вышедшая в 1997 г. книга, в которой собраны архивные материалы и исследования о жизни и трудах М.И. Ростовцева, продолжает служить надежным инструментом научного поиска. Именно с его помощью в докладе была прослежена история самого известного шедевра Ростовцева — *The Social and Economic History of Roman Empire* — от очерка «Рождение Римской империи» (Петроград, 1918), экземпляр которого Михаил Иванович взял с собой, покидая Россию, до увесистого тома, вышедшего в Оксфорде в 1926 г. на английском языке с посвящением Джону Андерсону (1870–1952), роль которого, описанная Ростовцевым в предисловии к книге, становится еще более понятной благодаря материалам, введенным в оборот Г.М. Бонгард-Левиным в «Скифском романе». *С.В. Кузьминых* (Москва) и *Е.В. Детлова* (Красноярск) представили обзорный доклад «Германский археологический институт в переписке с археологами и востоковедами России и СССР (по материалам архива DAI)». Его задачей было дать общее представление об объеме и составе корреспонденции русских и советских археологов, отложившейся в персональных фондах руководителей и членов администрации DAI с последнего десятилетия XIX в. до начала 1980-х годов. Самым обширным в этом плане является эпистолярный фонд Т. Виганда, в арсенале которого переписка с М.И. Ростовцевым, Н.Я. Марром, О.Ф. Вальдгауером, Г.И. Боровкой, К.В. Тревер, Ф.И. Шмитом. По самым приблизительным подсчетам количество русских и советских археологов и востоковедов, которые состояли в переписке с Институтом, насчитывает 24 человека, при этом степень их активности была разной: от одного до двух-трех десятков писем. Число тех, чьи имена фигурируют в переписке, трудно подсчитать даже приблизительно. Степень изученности и введения этих материалов в научный оборот сильно различается. Авторы доклада призвали к их детальной проработке, изучению и публикации.

Завершающая часть заседания секции была отведена рецепции античности в художественной культуре современности. *В.А. Митарчук* (Москва) посвятил своей доклад «Античность и древний Восток в творчестве Николая Васильевича Гоголя» тому, какое отражение нашла древность как в текстах Гоголя—преподавателя всемирной истории (в лекции по древней всеобщей истории, в сочинении о преподавании всемирной истории), так и в именах знаменитых российских мыслителей и персонажей их произведений. В докладе «Каноническое право в литературе: соборование Базарова» *Е.В. Сильвестрова* (Москва) обратила внимание на то, как в романе «Отцы и дети» соборуют Евгения Базарова перед смертью. Тургенев пишет: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди...». Вместе с тем, при соборовании используется не миро, а елей, и другое название

соборования – елеосвящение. Возникает вопрос, совершил ли автор романа ошибку, перепутав таинства елеосвящения и миропомазания, или же в данном случае можно говорить о сознательном смешении этих таинств в тексте. В любом случае, упоминание святого мира в соборованиях, совершенном над Базаровым, заслуживает внимания исследователя. Заключительный доклад *А.В. Ивановой* (Москва) «Влияние творчества Мари Рено на современные романы об античности» был посвящен обзору основных тем романов английской писательницы Мари Рено, действие которых разворачивается в историческом или мифологическом пространстве древней Греции, и тому, как изменилось восприятие греческой культуры в современной художественной литературе, обращающейся к тем же героям и декорациям. По мнению докладчика, современные авторы, хотя и упоминают творчество Мари Рено как один из источников вдохновения, не придерживаются такой же тщательности в отображении материальной культуры и исторического контекста описываемого периода, и, с одной стороны, отдают предпочтение мифологическим временам, допускающим большую вольность, а с другой стороны, уделяют большее внимание именно психологическому состоянию своих героев, чтобы сделать их ближе и понятнее читателю.

В третий, и последний, день конференции, 22 декабря состоялись заседания двух секций. Работу секции «История древнего Рима II» (председатели – М.Н. Кириллова, А.Е. Барышников) начал *Я.Ю. Межеричский* (Москва) докладом «О социально-психологическом и культурном фоне римско-германских войн (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.)». Попытка Рима завоевать часть Центральной Европы и учредить там провинцию Большая Германия в итоге провалилась. Среди причин неудачи справедливо указывают на суровую природу края, экономические и финансовые трудности. И все же не до конца понятно, каким образом хуже вооруженным и постоянно враждующим между собой варварам удавалось противостоять сильнейшей армии империи. Однако поступающий археологический материал позволяет изменить представление о древних германцах как о дикарях, поскольку свидетельствует о сравнительно развитой культуре земледелия, скотоводства и ремесла. Этим объясняется значительная плотность населения и в целом значительный военный потенциал германцев. Но решающим оказалось нежелание «диких германцев» покориться «цивилизованным» завоевателям. Полученные археологические данные предоставляют возможность нового прочтения давно известных текстов. С одной стороны, античные авторы транслируют укоренившиеся в коллективном сознании римлян клише о диких варварах, а с другой, (пусть и скупой) делятся своими непосредственными наблюдениями и впечатлениями. Анализ текстов показывает, что самым труднопреодолимым препятствием для достижения взаимопонимания были штампы и предрассудки культурного и расового характера и принципиальная несовместимость римско-средиземноморской и германской систем жизненных ценностей.

В докладе *А.Е. Барышникова* (Нижний Новгород) «Время угнетенных? К вопросу о новых подходах в изучении римского империализма» рассматривались новейшие публикации, в которых авторы пытаются интерпретировать римский империализм с опорой на концепт «субальтерна». Этот термин восходит к «Тюремным тетрадам» Антонио Грамши, а теперь стал важной частью теоретического аппарата

постколониальных исследований и деколонизационного дискурса. Насколько он применим к проблемам, которые стоят перед теми, кто занимается историей древности (и, в частности, изучением римского империализма), вопрос открытый, и вряд ли у кого-то, включая автора доклада, есть на него ответ. Однако популярность концепта (и наследия Антонио Грамши) в новейшей гуманитаристике, его появление в названиях научных конференций и текстах публикаций вдохновляют на обсуждение его потенциальной ценности.

Два доклада были посвящены наследию римских землемеров. В первом из них *И.А. Гвоздева* (Москва) рассмотрела «Конфликты и компромиссы в римском землеустройении». В римском земельном праве конфликты были классифицированы в контroversиях, помещенных в *Corpus agrimensorum Romanorum*. Юлий Фронтин называл 15 видов споров, его последователь Гигин Старший выделил 7 главных земельных тяжб. В агрименсуре компромиссное решение споров достигалось введением права использования отрезков от межевания (*ius subsecivorum*). В судебной же процедуре применялась специальная часть преторской формулы — *adiudicatio*, предполагавшая «присуждение» искомой части *ager* истцу, но также и «возмещение» ответчику земельного пространства в соответствующей части *ager colonicus*. Тему продолжила *М.Н. Кириллова* (Москва) докладом «Ориентация римских колоний: теория и практика». Наиболее распространенной системой римского межевания была лимитация: деление площади колонии на квадраты дорогами-лимитами, пересекавшимися под прямым углом. Согласно предписаниям трактатов землемеров, главные дороги должны были быть ориентированы по сторонам света: главный *декуманус* с Востока на Запад, а *кардо* — с Севера на Юг. Очевидно, такая жесткая связь со сторонами света должна быть обусловлена некими религиозными представлениями. И действительно, римские землемеры возводят лимитацию к учению этрусских жрецов; более того, распространенности этой практики у этрусков можно найти археологические подтверждения. Однако как обстояли дела непосредственно у римлян? У самих землемеров не раз встречаются указания, что направление лимитов может видоизменяться в зависимости от особенностей рельефа, как и было в случае с первыми приморскими колониями. Также упоминается, что *декуманусом* может служить дорога, проходящая через территорию колонии. Изучение ориентации римских колоний эпохи Республики и Империи демонстрирует многочисленные отклонения от правила ориентирования *декумануса* по линии Восток—Запад. Автор доклада обратилась к астроархеологическим исследованиям лимитаций и проанализировала выдвинутые на их основании гипотезы о причинах несоблюдения ориентации лимитов по сторонам света.

Н.В. Бугаева (Москва) в докладе «“Необычная биография в необычное время”»: Марк Сергей Сил» предприняла попытку рассмотреть основные события жизни претора 197 г. до н.э. Марка Сергия Сила. Вдохновенный рассказ Плиния Старшего об этом человеке, прадее Катилины, оставляет некоторые места его биографии не совсем ясными. В каких именно событиях Второй Пунической войны принимал участие Сил? Каким образом он пользовался знаменитой железной рукой? Чем завершилась попытка коллег Сергия по претуре отстранить его от жертвоприношений? Известная монета, отчеканенная в 116/115 г. до н.э. потомком героя, рассматривается в контексте памяти членов *gens Sergia* о своем выдающемся

представителе; при этом анализируются детали изображения, призванные подчеркнуть впечатление о Силе как о победителе фортуны. Также в докладе были сформулированы предположения, как использовал в своей пропаганде образ прадеда самый известный представитель патрицианского рода Сергиев — Катилина. *Т.В. Кудрявцева* (Санкт-Петербург) выступила с докладом «“Брундизийский путь” Горация: к проблеме политического подтекста». Путешествие Горация, описанное в 5-й сатире I книги, связано с одной из самых драматических страниц в истории второго триумvirата, хотя из самого текста невозможно себе представить, что в тот момент Рим находился на грани новой гражданской войны. Относительно политического подтекста этого произведения в историографии давно ведутся дискуссии, начиная с вопроса о том, какая именно дипломатическая миссия Мецената легла в основу рассказа о его путешествии в компании поэтов. В последнее время исследователи пытаются усмотреть (на взгляд автора доклада, не всегда убедительно) политический подтекст и аллюзии в некоторых сценах сатиры, среди которых, например, шутовской поединок Кикирра и Сармента, любовное фиаско Горация на вилле близ Тривика. Соответствующие объяснения предлагаются и для внезапного финала *iter Brundisinum*, который вызывает разочарование у многих историков.

Темой доклада *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) стала «Человеческая природа как фактор истории в труде Кассия Диона» и изучение подходов автора к трактовке причинно-следственных связей. Видел ли Дион закономерности, скрывающиеся за мотивами государственных деятелей? Как он понимал движущие силы истории? В какой степени он следовал традиционным моралистическим схемам, характерным для римских историков? Как показывают современные исследования, Дион, придерживаясь восходящей к Фукидиду традиции, полагал, что действия людей повторяются при определенных условиях, а их поведение предсказуемо и определяется такими базовыми свойствами человеческой природы, как страх, своекорыстие и жажда власти. Вместе с тем, отмечается специфика воззрений Диона. Например, в отличие от Фукидида и Аристотеля, которые считали равенство граждан ключевым фактором политической стабильности, он утверждает, что человек по свойству своей природы не терпит над собой власти себе подобных и ищет не равной доли в управлении полисом, а господства над другими людьми (fr. 5.12; fr. 7.3). На этом основании делается вывод, что концепт ἀνθρωπεία (ἀνθρωπίνῃ) φύσις или τὸ ἀνθρώπινον (ἀνθρώπειον) понадобился Диону главным образом для объяснения причин междоусобной борьбы в Риме, упадка и крушения Республики, а также для обоснования превосходства монархического правления. При этом следует отметить, что принципат, с точки зрения автора «Римской истории», не стал панацеей от интриг, заговоров, мятежей и гражданских войн, которые Дион связывает не только со спецификой правления конкретных императоров, но и с общими закономерностями поведения людей.

В докладе «Автор трактата *Historia Augusta* о себе самом» *И.А. Миролубов* (Москва) напомнил, что сборник императорских биографий, известный в отечественной науке как «История августов» или «Авторы жизнеописаний августов», до сих пор остается одним из самых сложных для изучения текстов классической древности. Нерешенными остаются вопросы времени написания и авторства этого сочинения. В современной науке преобладающей является точка зрения Г. Дессау,

согласно которой за шестью псевдонимами, которыми подписаны биографии, скрывается один автор. Не ставя перед собой цели определить личность этого автора, докладчик сосредоточился на тех сведениях, которые тот сам о себе сообщил. Задача по выявлению таких сведений усложняется тем, что автор, человек с богатой фантазией и чувством юмора, преподносит информацию о себе по большей части в пространных отступлениях, где он ведет полемику с самим собой (от лица различных «авторов», чьими именами он подписывает разные биографии). Вместе с тем, сведения эти разнообразны и касаются вопросов государственной, общественной, экономической и религиозной сторон жизни в Поздней Римской империи. Как отметил в своем докладе «Структура *Vita Severi* Мария Максима» *Е.А. Гуськов* (Москва), в эпоху поздней античности Марий Максим был одним из самых читаемых авторов. Несмотря на то, что ни одна из его работ не дошла до нашего времени, он оказал огромное влияние на античную нарративную традицию. Следы его творений присутствуют во многих позднеантичных исторических сочинениях. В докладе был представлен опыт реконструкции структуры одного из самых объемных, по мнению исследователей, произведений Максима — «Жизнеописания Севера». Оно занимало, вероятно, центральное место в созданном Максимом корпусе императорских биографий как по своему объему, так и с точки зрения авторского замысла.

В завершение работы секции выступил *А.Г. Арлианский* (Москва) с докладом «Потомки триумвира Марка Антония в Мавретании, Эмесе, Пальмире и Флоренции». По линии знаменитого триумвира принцепсам Римской империи родственниками приходились монархи постэллинистических государств Средиземноморья, что подтверждается античными нарративными свидетельствами, а также эпиграфическими и нумизматическими источниками. Потомки дочери триумвира Клеопатры Селены (*PIR*² II. C 1148) стали членами правящих родов клиентских царств Мавретании, Эмесы и Пальмиры. Благодаря браку правнучки триумвира мавретанской принцессы Друзиллы (*PIR*² III. D 196) с представителем эмесского царского дома Сампсигерамидов наследники этой династии, потомки Марка Антония, со временем утратившие царский титул и сохранившие статус верховных жрецов, известны вплоть до царицы Пальмиры Зенобии (*PIR*² VII. S 504), которая прямо называла себя потомком царицы Египта Клеопатры VII и триумвира Марка Антония (*SHA. Trig. tyr.* XXVII. 1). Потомки Зенобии принадлежали к римской аристократии (*Eutrop. Brev.* IX. 13. 2) и были известны на протяжении III–IV вв. (*CIL* VI. 1516). Поздние источники сообщают также о родственной связи царицы Зенобии и флорентийского епископа св. Зенобия (начало V в.), и эта точка зрения разделяется рядом исследователей.

Работавшая параллельно секция «История поздней античности и раннего средневековья» (председатели — М.А. Ведешкин, Н.А. Виноградов, О.А. Давыдова) была открыта докладом *А.А. Евдокимовой* (Москва) «Грамматическая школа в Византии и ее влияние на эпиграфические источники разного типа». Одним из важных итогов деятельности грамматиков стало описание византийской системы акцентуации, которая начиная с X в. активно применялась в разных письменных источниках. Однако изучение эпиграфических памятников различных типов показало, что введение ее принципов не было повсеместным, и параллельно с ней

употреблялись и другие системы акцентуации. Так как существовал разрыв между тем, как писались слова и как они читались, ряд орфографических ошибок, как и неточности в акцентуации, можно объяснить самоспеллингом писцов и тем, как их обучали в школе. На примерах из надписей на фресках, на предметах прикладного искусства и из лапидарных надписей в докладе было показано влияние принципов, сформулированных грамматиками Византийской империи, на живые тексты.

В докладе «Позднеантичный экфрасис: чаша Сидония и кольцо Авита» *Е.В. Литовченко* (Белгород) продемонстрировала, как интеллектуалы поздней античности, взращенные в риторической традиции, применяли полученные навыки в литературной переписке. Это было сделано на примере экфрасиса — одного из риторических упражнений, состоявшего в описании предмета искусства в художественном тексте. Два подобных описания присутствуют в письмах двух позднеантичных аристократов и церковных деятелей Сидония Аполлинария и Авита Вьеннского. В одном из своих писем Сидоний повествует о серебряной чаше, предназначенной для подарка королеве Рагнахильде (*Sid. Ep.* 4. 8. 4–5); экфрасис Авита — это описание епископского кольца-печатки, которое он желает заказать (*Avit. Ep.* 87). Текст Сидония, признанного мастера стиха, поэтический; более скромный литературный талант Авита позволил ему выразить свои мечты о кольце в прозе. В докладе детальные изображения этих двух предметов были рассмотрены как аллюзии на классический экфрасис, каковым считается описание щита Ахилла (*Hom. Il.* 18. 478–609). В то же время более поздний текст Авита вполне может расцениваться и как подражание Сидонию, старшему товарищу, которого Авит считал образцом изящной словесности.

Доклад *В.А. Конохова* (Москва) «*Sacerdos* и *pontifex* у Тертуллиана: от языческого жреца до христианского епископа» был посвящен терминологии для обозначения христианских священников. Тертуллиан, один из ключевых раннехристианских авторов, именовал их различным образом, причем помимо специфически церковных терминов (*episcopus*, *presbyteros*) использовал и более общее *sacerdos*, а также нетривиальное *pontifex*. На основе проведенного анализа докладчик сформулировал выводы о том, как Тертуллиан воспринимал формирующиеся христианские священство и епископат, в каком контексте рассматривал их жреческий характер и какой историко-культурный горизонт нашел отражение в этих воззрениях африканского апологета. *И.Е. Ермолова* (Москва) представила доклад «Формирование представления о прошлом в Риме IV в н.э.», в котором показала, как Аммиан Марцеллин, последний римский историк, отражает типичные для римской историографии приемы и установки. Он выражает восхищение Римом, прославляя его военные успехи и роль политических деятелей в расширении территории государства, а затем в укреплении его обороноспособности. При чтении его труда создается впечатление, что почти все римские завоевания были результатом ведения справедливых войн — в полном соответствии с представлениями, сформулированными еще Цицероном. Аммиан Марцеллин не разделяет историю Рима на республиканский и имперский периоды, не затрагивает внутренние противоречия, тем самым значительно сглаживая изображение римского прошлого. Разделяя теорию морального упадка римского общества, которую из века в век транслировали

многие римские историки, Аммиан Марцеллин однако отдает должное и героическим деяниям некоторых своих современников, и прежде всего императора Юлиана.

В докладе «Об одном эпизоде взаимоотношений между Константином I и римской аристократией: случай Бассиана» *Е.С. Зайцева* (Екатеринбург) проанализировала матримониальную стратегию Константина, выдавшего во время путешествия в Италию в 315 г. свою сводную сестру Анастасию замуж за сенатора Бассиана, выходца из рода Анициев, брат которого, Сенецион, был высокопоставленным чиновником на Востоке, подконтрольном Лицинию. В докладе значение этого брачного союза рассматривалось в контексте взаимоотношений между Константином и Лицинием, а также Константином и западной аристократией, представителями которой были оба брата, которые в конце концов оказались вовлечены в заговор против императора. *М.А. Ведешкин* (Москва) представил доклад «Император Юлиан, папа Евсевий и сенатор Волузиан: деконструкция одного агиографического сюжета», в котором подверг анализу легенду о столкновении императора Юлиана и римского папы Евсевия, представленную во второй части «Сирийского романа о Юлиане». Согласно этому произведению, Юлиан, узурпировавший власть и отвергнувший христианство, приезжает в Рим, где сталкивается с папой Евсевием и едва ли не всей христианской римской знатью, возглавляемой неким Волузианом. Получив отпор и не добившись покорности римлян, отказавшихся признать его императором, опозоренный Юлиан уезжает на Восток. Однако этот сюжет полон анахронизмов: Юлиан никогда в жизни не был в Риме, а Евсевий умер задолго до его правления (ок. 310 г.). Да и едва ли староримская сенаторская аристократия, преимущественно еще сохранявшая в середине IV в. приверженность язычеству, стала бы выступать против религиозной политики нового августа. Тем не менее, анализ данного сюжета, по мнению докладчика, позволяет рассмотреть его «второе дно», в котором можно обнаружить отголоски реальных политических конфликтов середины IV в.

Доклад *Н.А. Виноградова* (Москва) «Послание Иоанна Антиохийского к Фирму Кесарийскому: к проблеме формирования церковно-политических “партий” перед Эфесским собором» был посвящен одному из эпизодов основного внутрицерковного конфликта V–VII вв., известного как «христологический спор». В его основе лежали различия во взглядах на природу Христа ведущих богословских школ Востока, наложившиеся на обострившееся в конце IV в. соперничество наиболее влиятельных епископских кафедр, прежде всего Александрийской и Константинопольской. На начальном этапе противостояния, в преддверии Эфесского собора 431 г., оформлявшиеся церковно-политические «партии» активно искали сторонников из числа представителей высшего духовенства. В докладе было подробно разобрано сохранившееся лишь в латинском переводе послание Иоанна Антиохийского к Фирму Кесарийскому, содержащее просьбу к кесарийскому епископу принять на приближающемся Соборе сторону «восточных». В письме Иоанн также критикует 12 анафематизмов Кирилла Александрийского и кратко обозначает свою позицию в христологическом споре. Некоторые детали рассматриваемого письма позволяют пролить свет на характер складывающихся церковно-политических «партий» и особенности взаимоотношений епископов, имевших

разные точки зрения на вопросы христологического спора. В докладе «“Первая фаланга незримой битвы”»: епископы и их роль в Церкви согласно трактату Юлиана Померия “О созерцательной жизни”» *К.А. Владимиров* (Белгород) подробно рассмотрел, как христианский писатель второй половины V в. обсуждает поведение и обязанности священнослужителей, особенно епископов. Он выделяет несколько принципов, которым должен следовать руководитель общины: это активная проповедь, примерное поведение, отказ от имущества в пользу Церкви и индивидуальный подход к нарушителям заповедей. Таких «истинных священников», для которых епископская кафедра — добродетель и бремя, а не способ нажиться на церковном имуществе или заполучить земную славу, Померий удостоивает всяческих похвал, подчеркивая, что именно таким путем и следует приблжаться к «созерцательной жизни» — сходному с положением ангелов посмертному состоянию абсолютного совершенства и истинной близости к Богу.

А.С. Куприн (Москва) в докладе «Цитирование писем папы Григория Великого у Беда Достопочтенного (*HE. I. 23–32*) в сравнении с цитированием ветхозаветных пророков у Гильды (*DEB 34–64*)» отметил, что оба автора латинских прозаических сочинений, Гильда Премудрый и Беда, часто цитируют чужие тексты. В отличие от Гильды, чей круг чтения был ограничен, Беда пользовался гораздо большим кругом источников. Оба автора используют разные способы цитирования, но у Беда заметно сходство с цитированием Библии, особенно пророческих книг. Однако Беда цитирует тексты целиком, в отличие от Гильды, который разбивает их на фрагменты. Текстуальные функции цитирования в указанных сочинениях не эквивалентны (у Гильды цитируемый текст служит материалом для формулировки инвективы, в то время как у Беда — историческим документом), однако их сближает высокая степень авторитетности цитируемого текста.

В докладе *Д.А. Ильговой* (Москва) «Уровни визуальности в древнеирландском стихотворении *Pangur Bán*» визуальная структура древнеирландской поэзии рассматривается как важный аспект формирования культуры, где значительную роль играют материальные объекты, такие, как манускрипты. Такое исследование подразумевает анализ многоуровневой интермедиальной структуры текста (по О.Э. Ханзен-Леве). В древнеирландской литературной традиции часто сочетаются вербальные, визуальные и материальные аспекты. Примером такого синтеза служит рукопись начала IX в. *Reichenau Primer (Codex St. Pauli)*. Манускрипт содержит в основном латинские гимны и грамматические тексты с добавленными пояснениями на древневерхненемецком, а также таблицы склонения греческого языка, астрономические таблицы и древнеирландские стихи, среди которых *Pangur Bán*. В докладе было показано, что это стихотворение отражает развитие визуальной структуры древнеирландской поэзии, которое выражается в доместикации пространства (на вербальном уровне), в использовании аллитераций (на аудиальном уровне), в построении рукописного текста в манускрипте (на материальном уровне) и возможности индивидуальной интерпретации (на синестетическом уровне).

Завершила секцию *Е.А. Буздалина* (Москва) с докладом «Бревиарии как жанр исторических сочинений в поздней античности». Эпоха поздней античности характеризовалась развитием новых жанров в историографии, таких как хроники, церковные истории и бревиарии. Однако существует неопределенность в определении

этих жанров из-за многочисленных коротких нарративов и различных терминов для них. Проблемы также вызывает фрагментарность информации о первоначальных названиях произведений и изменчивость в рукописях. Термин «бreviарий» (*breviarium*) широко используется для обозначения кратких сочинений поздней античности, но их ключевые особенности зачастую остаются на периферии научного исследования из-за их краткости и предвзятых представлений об их ограниченном информационном содержании и достоверности. Бrevиарии выделяются источниковым разнообразием и предварительной обработкой. Они часто содержат количественные данные в хронологии и могут использоваться для образовательных целей.

Проходившие в течение трех дней заседания конференции – и пленарное, и все восемь секционных – вызвали большой интерес публики и сопровождалась оживленными дискуссиями, в которых не только сталкивались мнения, но и высекались искры новых замыслов. Во время дружеского общения, продолжившегося и после завершения работы, все были едины в том, что четвертая конференция «Историк и текст» упрочила возникшую в 2017 г. традицию и стала залогом проведения следующей, пятой конференции.

Mikhail S. Apenko,

E-mail: mikhap97@live.com
ORCID: 0000-0002-5344-4938

М.С. Апенко,

младший научный сотрудник

Olga A. Davydova,

E-mail: davydova.olga96@mail.ru
ORCID: 0009-0003-7593-5310

О.А. Давыдова,

младший научный сотрудник

Liubov G. Eliseeva,

E-mail: liubovgelizeeva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5448-6788

Л.Г. Елисеева,

младший научный сотрудник

Anna V. Ivanova,

E-mail: annaivanova.rsuh@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2396-8615

А.В. Иванова,

младший научный сотрудник

Sergey A. Koval,

E-mail: straserg@bk.ru
ORCID: 0000-0003-1190-7049

С.А. Коваль,

младший научный сотрудник

Elena V. Lyapustina,

E-mail: elenatemp@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7333-8588

Е.В. Ляпустина,

к. и. н., старший научный сотрудник

Dmitriy B. Merkin,

E-mail: dimamerkin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6906-7938

Д.Б. Меркин,

младший научный сотрудник

Elena I. Solomatina,

E-mail: solomatina_elena@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-6671-0257

Е.И. Соломатина,

научный сотрудник

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Институт всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия